

● ПРЕМЬЕРЫ
ЮБИЛЕЙНОГО
СЕЗОНА

ЛЮБИМЫЙ ГЕРОЙ

У КАЖДОГО театра непременно есть свой любимый автор. Таким драматургом для Московского театра имени Ленинского комсомола стал четверть века назад Константин Симонов. Лучшие его пьесы обрели рождение на этой сцене, начиная с памятного всем «Парня из нашего города».

И когда театр, возвращаясь к творчеству Симонова, осуществил недавно постановку «Дыма отчества», спектакль был с интересом воспринят и старыми театральными, и молодежью.

На этот раз коллектив театра работал над сценической композицией, сделанной Т. Лондоном по одноименному роману Симонова с привлечением симоновских стихов разных лет.

Стало почти банальностью говорить, что инсценировка в сравнении с литературным первоисточником несет потери. Однако у каждого жанра — свои законы. Разумеется, трудно вместить действие романа в сжатые рамки пьесы. Но театр, пользуясь своими особыми средствами, создает зримые образы. И мы живем одной жизнью с героями, вместе с ними ищем и обретаем истину.

В спектакле «Дым отчества» таким любимым героем, который сразу же привлекает к себе симпатии всех сидящих в зрительном зале, становится Шурка Басаргин, хотя даже в романе ему не было отведено столь заметное место.

Мужественный и в то же время ребячливый, этот парень полон веры в будущее; причем слово для него неразрывно связано с делом. Рано испытан на себе все трудности солдатской доли, Шурка с неподкупной прямотой измеряет достоинства

каждого человека поступками — только поступками. Актер А. Збруев сумел раскрыть в своем герое такое внутреннее обаяние и такую душевную силу, что образ этот служит камертоном всего спектакля. Глядя на Шурку, зритель еще глубже осознает, чем обязаны сегодняшние двадцатилетние таким, как Шурка Басаргин.

А сам Шурка — А. Збруев оценивает себя более чем скромно: слишком много у него послевоенных, мирных дел, чтобы растратывать время на самолюбование. Если уж выдастся свободная минутка, когда можно потокренничать со старшим братом, помечтать о будущем, поделиться своими жизненными планами, — Шурка стесняется говорить о своей большой любви, о самом себе.

Может быть, где-то в другом театре, в другом спектакле с тем же названием старший Басаргин стал бы главной движущей силой событий. Ведь он приехал из длительной заграничной командировки, он заново познает жизнь отчего края. Но здесь именно Шурка — А. Збруев заставляет Басаргина вступить в открытый бой с их пронзительным шуриним, «облагодетельствовавшим» всю семью. Без стеснения, даже с каким-то хмельным, самовлюбленным торжеством признается Григорий Фадеевич (В. Всеволодов) в том, что себестоим он поставит дом сначала, в самую первую очередь — на то он и строитель. И что мяса сорок кило ему «подбросили» те, кто нуждается в его, Григория Фадеевича, особом расположении.

Мы понимаем вместе с только что приехавшим издалека Басаргиным, почему

его мать, скромная и готовая помочь каждому учительница «Неунывайка», чей образ тепло рисует С. Гиацинтова, не хочет «питаться» с Григорием Фадеевичем и родной своей дочерью — душевно опустошенной, почти примирившейся со стяжательской моралью...

И как бы оценивая заново человеческие ценности каждого из близких ему людей, Басаргин ведет диалог с автором, чей текст эмоционально читает Л. Хмара.

Но разговоры, которые ведет Басаргин — А. Джигарханян с автором, порой кажутся нам нарочито условными. Так воспринимаются, к слову сказать, и декорации И. Кипшидзе на внутренней стенке громадного вертящегося барабана... Думается, реалистическая ткань спектакля требовала иного оформления.

И все же неизменно, как главный жизненный центр спектакля, поставленного А. Гинзбургом и С. Гиацинтовой, остаются у нас в сознании люди, на плечи которых легло все самое трудное: война и преодоление послевоенной разрухи. Простые, скромные, горячие, умеющие спорить до ярости и обижаться до слез, но в то же время удивительно чуткие к другим. Это прежде всего мать, воспитавшая двух чудесных сыновей, — старая «Неунывайка» и ее верный ученик Шурка.

Думается, рождение такого образа, как Шурка Басаргин, на сцене театра Ленинского комсомола — образ, который смело можно поставить рядом с «Парнем из нашего города», не случайность, а знаменательная удача театра.

О. КАЛИНЕНКО.

Московская правда, 1967, 15 ноября